

Владислав Китик

Век сделал круг

Запад есть Запад, Восток есть Восток...

Р. Киплинг

* * *

На ходиках столетия – весна.
Трава взошла, как по сигналу горна.
Все возрасты политике покорны.
Цветенье.
Дождь.
Гражданская война.
Вновь с Западом не сходится Восток.
Стоит дележ в капустном огороде.
Век сделал круг.
Противоречья в моде.
Британский дольник вызывает шок.
Концы с концами не сведет страна.
Не примиряет гири равновесье.
Поют щеглы в зеленом редколесье.
Флаг, как пеленка, свешен из окна.
Недавней бойни остывает след
На тротуаре.
В поле всходят злаки.
Фальшивит горн, взывающий к атаке.
Чернеет кровь на крыльях у побед.

Старый моряк

Ни солнца зенитный вираж,
Ни юность в тельняшке у шлюпки
Ему не идут на уступки,
И флот его списан в тираж,

Он с пенсии горькую пьет,
И ходит, как старая чайка,
И пристальной памяти спайки
Бросают в горячечный пот.

Он сам, как бродяга в балладе,
О родине что-то поет
Украденной, стертой с широт,
Просившей любить Христа ради.

Зачем этой песни «рыжье»
Влечет он сквозь дни и таможи?
Как слушать ее невозможно,
Прервать невозможно ее.

* * *

Сосед бранится, он нетрезв,
Он грузно падает, однако,
Сопя, несет мужицкий крест
На днях распавшегося брака.

Любовь за тридевять земель
Он шлет решительно
и с сердцем
Поет, превозмогая хмель,
О журавленке в стае серой.

Сейчас он, может, в первый раз
Столкнулся с жизнью и буквально
Проникся ритмом дивных фраз
И слезной страстью слов печальных.

А что излечит мир больной?
Нестройно песня выражала
Недоговоренное мной.
Пространство осенью дышало.

Так неумный листьев шум,
Романс за стенкой поперечной
Наводят много долгих дум
Об исчезающем и вечном.

* * *

Штукатурки рябенький маникюр,
Да шальные песенки хриплых нар,
Да чумной заводика перекур,
Да кофейни утренний перегар.

И гуськом потянется вся страна
Отбивать чечеточку черных шпал.
Но наполнит млечная белизна
Световой музыки отшибный зал.

Горстка зимних домиков
дух жилья
Остаются помнить и сторожить.
Может, вся загадочность бытия
Не сложнее простого желанья жить?

Вот и вся провинция без цитат.
Только два окошка – как две слезы,
Только добрый к озими снегопад,
Только поле, полное бирюзы.

* * *

Не спи, не спи.
Преобразилась тьма
Смятенным снегом.
Занавесок фибры
Колышутся.
Воссоздает зима
Тома никем не изданных верлибров.
Прочтеньем смыслов их увлечены
Ряды скрипучих тополей и кленов,
Вошедших вместо хроник тишины
В поток интерпретаций и канонов.
Трезвит полночной ясностью ума
Бессонница. Секрет ее неволи
В ее свободе.
Ежатся дома.
Прямы углы, напряжены консоли.
И правдой сны страшат.
Не объясняй,
Чем эта ночь других прелюдий краше.

В окно метель ворвется невзначай
И простотой свою ошарашит.

* * *

Всхлипом водостока в шуме дня
Улица окликнула меня,
Бочку арестантов наврала.
Выплакалась...
В небыль уплыла.
Мы когда-то здесь влюблялись вместе
В маттиолы дымчатых предместий,
Шли и собирали по пути,
И несли шелковицу в горсти.
Ничего, что время смыло сок
С липких пальцев и со сладких щек.

Было что делить и что терять.
Вот судьбы двукрылая тетрадь,
Высохший сиреневый цветок
Между двух страниц.

А между строк
Перспектива улицы закатной.
Мне надежд застиранные пятна
Не свести.

Да я и не берусь.
Я и сам без просьбы оглянусь:
Где была, шелковица стоит.
То, что отболело, не болит?

* * *

Синих далей контур ломаный
Брезжит сквозь восторги мнимые
Молодостью нецелованной,
Остротой неповторимого.

Поводя вокруг да около,
Чудотворный образ прячется

В гуттаперчевое облако,
В поволоку мать-и-мачехи,
В боль, как паутина, тонкую...
За озерными разлуками
Пахнет яблоком-антоновкой,
Бабьим летом, горем луковым.

